

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Юридический институт
Кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« ____ » _____ 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения
профиль подготовки 41.03.05.00.01 Международные отношения и
внешняя политика

Подходы к определению понятия силы в международных отношениях

Руководитель	_____	<u>к.ю.н. доцент, зав. кафедрой</u>	<u>Т.Ю. Сидорова</u>
	подпись, дата	должность, ученая степень	инициалы, фамилия
Выпускник	_____		<u>А.С. Иванова</u>
	подпись, дата		инициалы, фамилия
Нормоконтролер	_____	_____	_____
	подпись, дата	должность, ученая степень	инициалы, фамилия

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Подходы к определению понятия силы: историческая ретроспектива	
1.1. Современные средства формирования внешнеполитических стратегий государств	6
1.2. Концепция «обязанность защищать» и ее отражение в международных документах	17
Глава 2. Анализ применения «сил» на примере различных регионов	27
2.1. Реализация подходов «сил» в рамках концепции в Ливии.....	27
2.2. Использование различных видов «силы» в Венесуэле	35
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	47
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	50

ВВЕДЕНИЕ

Любое государство чаще всего использует различные силы в международных отношениях, то есть распространяет свое влияние на все сферы. Инструменты невоенного воздействия плотно закрепились в международной политике. Государства сделали ставку на эффективную стратегию такую как, привлекательность культуры, пропагандистская деятельность, продвижение своих политических ценностей, влияние на общественное мнение и многое другое. Речь идет о «умной силы», «острой» и «рейтинговой».

Несмотря на заявления государств о приверженности мирной политики в отношении других государств и использования дипломатических средств в разрешении конфликтных ситуаций, складывается впечатление, что силовой метод до сих пор является наиболее популярным и эффективным в разрешении конфликтных ситуаций.

История показала, для достижения целей заинтересованного государства и их прикрытия, достаточно ловко применить невоенную силу, порой вытекающую в военную. Хорошо, когда это влияние безобидное, но бывают случаи, когда это перерастает в международные преступления и ставит под угрозу существование государства на мировой арене. Именно поэтому концепции «обязанность защищать» «ответственность во время защиты», являются новыми нормами международного права, является самой актуальной и обсуждаемой проблемой современности. В связи с этим возникает вопрос о значимости такого понятия, как «государственный суверенитет».

Для анализа реализаций сил и концепций были взяты два государства: Ливия и Венесуэла. Случай гуманитарной интервенции в Ливии в 2011 году уникален, так как он ознаменовал собой “первое полномасштабное испытание” руководящих принципов концепции «обязанность защищать». А ситуация в Венесуэле является актуальной, так как события происходят по сей день. И

возникают вопросы о применении сил и концепции «обязанность защищать» в своих интересах, а не для решения кризиса в стране.

Объект исследования – сила в международных отношениях.

Предмет исследования – особенности становления, развития современных инструментов невоенного и военного влияния.

Целями данной работы является исследование распространенных теорий и концепций о силе в международных отношениях.

Постановка названной цели диктует необходимость решения следующих задач:

1. Исследовать основы концепции «умной силы» «острой» и «рейтинговой» сил;
2. Проанализировать развитие концепций «обязанность защищать» и «ответственность во время защиты»;
3. Провести анализ реализации подходов «сил» в рамках концепции в Ливии;
4. Провести анализ различных видов «силы» в Венесуэле.

При рассмотрении вопроса в области силы во внешней политике использован значительный массив публикаций различных авторов как отечественных, так и зарубежных. Многие исследователи публиковали свои научные статьи, например, такие как: Г. Киссинджер, Р. Кохейн, Дж. Стоссинджер, Д. Пучала, Joseph S. Nye, E. Etheridge, И.А. Чихарев, В.Н. Коньшев, А.И. Кубышкин, В.Г. Иванов и многие другие. Но тем не менее данная тема частично раскрыта и не получила должного освещения в специальной литературе, поэтому нуждается в дальнейшей разработке.

Другую группу источников составили информация, размещенная на официальных сайтах международных организаций, расследования журналистов и публикации в средствах массовой информации, а также заявления политиков представителей вооруженных сил государств.

Теоретико-методологической основой работы служат принципы научной объективности и историзма, а также цивилизационный принцип. Кроме того,

при написании работы были использованы общенаучные методы: структурно-функциональный, компаративный, логический, системный. Также, были использованы такие методы исследования и анализа международных отношений, как метод анализа ситуации; экспликативные методы, которые включают в себя контент-анализ, инвент-анализ и метод когнитивного картирования.

Структурно работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников.

Глава 1. Подходы к определению понятия силы: историческая ретроспектива

В данной главе будут рассматриваться различные «силы» в международных отношениях, которые государства используют для осуществления своей внешней политики. Будут даны различные определения силы, а также будет рассмотрен вопрос об истории возникновения и этапах развития концепции «обязанность защищать».

1.1. Современные средства формирования внешнеполитических стратегий государств

В политической теории существует множество определений силы в международных отношениях. Например, по мнению, одного из основателей школы реализма, Ганса Моргентау, сила – это рычаг мирового регулирования, власть над умами и действиями людей¹. И многие другие исследователи выделяли силу как источник влияния, такие как Генри Киссинджер, Роберт Кохейн, Джон Стоссинджер, Дональд Пучала. Но обращаясь к трудам Арнольда Уолферса, заметно, что он проводит черту между понятиями «сила» и «влияние». Главное отличие, что сила – это способность изменить что-либо с помощью принуждения, а влияние – изменение посредством убеждения².

Таким образом, становится очевидным, что невозможно прийти к общему индексу, единому знаменателю понятия силы в мировой политике. Сила – это продукт взаимоотношений между игроками, в нашем случае политическими, которые постоянно видоизменяются от обстоятельств. Следовательно, мы должны обращать внимания не на конкретный вид силы, а на контекст, в котором она используется.

¹Morgenthau, H. *Politics among Nations* [Электронный ресурс] / H. Morgenthau // Higher Education. – 1960. – Режим доступа: <http://saldanha.pbworks.com/f/Morgenthau.Politics+Among+Nations.pdf>.

²Цыганков, П.А. *Политическая социология международных отношений* / П.А.Цыганков // Москва: Радикс. – Москва, 1994. – С. 46.

Присутствие различных форм силы в международных отношениях ведет к возникновению различных способов ее использования. На место классических, крупных войн пришли современные инструменты силы – «мягкая сила» (soft power) и «жесткая сила» (hard power)³.

«Жесткая сила» подразумевает способность воздействовать на поведение других с помощью принуждения. Государство в этом случае добивается целей уже путём дипломатических ухищрений и, в случае неудачной дипломатии, военной силой, навязыванием своих интересов, изоляцией соперника на международной арене и многим другим. Из истории в пример использования «жесткой силы» можно привести такие противостояния, как США против Вьетнама, СССР против Чехословакии, НАТО против Югославии, США против Ирака. Отличительной особенностью применения «жесткой силы» является то, что этот инструмент мало поддается прогнозированию, а результат не всегда ожидаемый. Именно поэтому предпочтение в современном мире отдается в пользу «мягкой силы».

«Мягкая сила» определяется, как способность государства достичь своих целей через убеждения. Этот инструмент трактуется как некая власть, где субъекты воспринимают свои действия как результат своего собственного выбора⁴. В пример реализации данной силы можно привести Олимпийские игры в Пекине в 2008 году, американскую киноиндустрию, русский фонд «Русский мир».

После вторжение в Ирак в 2003 году концепция «мягкой силы» требовала изменений, которые бы не имели прозрачных критериев и простых рецептов по улучшению имиджа и привлекательности государств. Термин «умная сила» (smart power) был введен в рассмотрение как ответ на внешнюю политику Джорджа Буша. Эта была некая либеральная альтернатива во внешней

³Nye Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics / Joseph S. Nye Jr. // New York: Public Affairs. – USA, 2004. – С. 4-15.

⁴ Най Дж. С.-мл. Умная сила: эссе / Дж. С. Най // Политическая наука. – Москва, 2012. – № 4. – С. 179–194.

политике президента, которая закрепляла ведущую роль уже не США, а международных организаций⁵.

Уже в 2006 году Джозеф Най написал в «Бостон Глоб», американской ежедневной газете, что выигрышная стратегия – это «умная сила». Речь шла о том, что на данный момент самой главной проблемой является не борьба Запада против ислама, а гражданская война в исламе. Использование одной «жесткой силы» в политике не приведет к положительным результатам, а одна «мягкая сила» просто не привлечет такого противника, как «Аль-Каида». Из его следующих работ понятно, что новый инструмент – это умелое сочетание принуждения и убеждения для достижения определённых целей, некий симбиоз «мягкой силы» и «жесткой силы»⁶. Особенностью стало то, чтобы не применять одну силу в зависимости от ситуации, а умело использовать сразу два инструмента⁷. Особо подчеркивается то, что важным является нахождение оптимальных путей сочетания ресурсов власти с успешным планом действий в современных реалиях, нежели максимальное увеличение силы и сохранение гегемонии⁸. «Умная сила» должна стать балансом сил для недопущения абсолютизации одного инструмента, чтобы, во-первых, не создавать себе врагов на международной арене, а во-вторых, привлечь на свою сторону заинтересованных акторов. Другими словами, «умная сила» более сложное понятие, которое имеет много различных оттенков и подходов к использованию силы.

Существует другой взгляд на данный термин. В 2004 году Сюзанна Носсель в своей статье, опубликованной в журнале «Foreign Affairs», дала другой определение. Если Джозеф Най утверждал, что «умная сила» - это симбиоз сил, то взгляд Сюзанны Носсель на этот термин базируется на отрицании эффективности военной мощи. Другими словами, она не включает в

⁵ Etheridge, E. How 'Soft Power' Got 'Smart' [Электронный ресурс] / E. Etheridge // The New York Times. – USA, 2009. – Режим доступа: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2009/01/14/how-soft-power-got-smart/>.

⁶ Etheridge, E. How 'Soft Power' Got 'Smart' [Электронный ресурс] / E. Etheridge // The New York Times. – USA, 2009. – Режим доступа: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2009/01/14/how-soft-power-got-smart/>.

⁷ Nye Jr., Joseph S. Get Smart: Combining Hard and Soft Power / Joseph S. Nye Jr. // Foreign Affairs, 2009. - Vol. 88, No. 4. - P. 160-163.

⁸ Най, Дж.С. (мл.). Будущее власти. / Дж. С. Най // АСТ. – Москва, 2014. – С. 89.

это понятие категорию «жесткой силы». Основное внимание, по ее мнению, должно уделяться дипломатическому аспекту⁹.

Популярность данный термин приобрел только в 2009 году, когда Хилари Клинтон, на тот момент сенатор от Нью-Йорка, использовала его в своей речи на сенатских слушаниях в январе 2009 года¹⁰.

Исследование «умной силы» получило развитие и у российских авторов. Так, например, И. А. Чихарев использует данный термин в понимании комплексной модели современного мирового лидерства, которая включает информационно-интеллектуальное влияние, управление международным развитием и устранение проблем мирового характера¹¹. По мнению другого российского автора, А. Г. Кострева, «умная сила» трактуется как «разумная сила», где главные элементы – это умелое использование общественной дипломатии, убеждения с элементами применения «жесткой силы» и персональный анализ лидера¹². Даже в работах российских исследователей заметно то, что они используют «умную силу» как совокупность «мягкой силы» и «жесткой силы», рассматривая их во взаимодействии, выстраивая эффективную стратегию использования всех ресурсов для достижения целей.

Реализация «умной силы» в США началась еще при президентстве Дж. Буша-мл., где была необходимость в смягчении линии с террором. Ведь в 2003 году военные операции в Ираке с целью свержения диктатуры Саддама Хусейна привели к значительным военным потерям и экономическим убыткам для США. Все же «американский» вариант реализации «умной силы» мы видим в политике Барака Обамы, который использовал разумные инструменты. К ним можно отнести: невоенные инструменты обеспечения безопасности, содействие глобальному развитию, шаги в развитие публичной дипломатии. Особое

⁹ Nossel, S. Smart power: The Bush administration has hijacked a once-proud progressive doctrine-liberal internationalism to justify muscle-flexing militarism and arrogant unilateralism / S. Nossel // Foreign affairs. – 2004. – Vol. 83. № 2. – P. 131–143.

¹⁰ Etheridge, E. How 'Soft Power' Got 'Smart' [Электронный ресурс] / E. Etheridge // The New York Times. – USA, 2009. – Режим доступа: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2009/01/14/how-soft-power-got-smart/>.

¹¹ Чихарев, И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики. / И.А. Чихарев // Международные процессы. – Москва, 2011. – С. 93-98.

¹² Костырев, А.Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики. / А.Г.Костырев // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 2. – С. 143-149.

внимание уделяется инновационному развитию, проблемам технологического развития и изменения климата. Так же можно отнести установление особых отношений с Китаем и новую повестку дня в отношениях с Россией¹³.

Китайская Народная Республика использует «умную силу» только под своим названием – «мудрая сила». А истоки этот термин берет еще из учений по внешней политики Лао Цзы и Конфуция. Главные особенности – это размеренный анализ всех мировых событий, защита своей позиции и своих интересов, уход от стремления быть гегемоном во всех сферах, борьба за достижения и многое другое¹⁴. Китайская мудрая сила состоит в большей степени из «мягкой силы». Несмотря на это государство, именно Китай, должен обладать экономической и военной мощью¹⁵. Заметными становятся достижения КНР в Азии, Африке, Латинской Америке, умелое использования своего потенциала дает существенное развитие «мудрой силы».

Многие страны в Европе тоже делают ставки на «умную силу». Например, Германия использует свой экономический рост для наращивания «жесткой силы» и параллельно улучшает политику в области высшего образования и научных исследований. Политика в области высшего образования позволяет увеличить рост потоков высококвалифицированной миграции из третьих стран¹⁶. Главная же цель Германии - укрепление позиций в качестве мирового и экономического центра.

Если говорить в целом о ЕС, то «умная сила» рассматривается как использование американского военного потенциала и европейских невоенных инструментов для реализации своих желаний. Но очевидным остается то, что в

¹³ Чихарев, И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики. / И.А. Чихарев // Международные процессы. – Москва, 2011. – С. 93-98.

¹⁴ Полежаева, Т.В. «Сей старец дорог нам...»: к вопросу о политическом поведении А.С. Шишкова / Т.В. Полежаева // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2014. – № 3 (29). – С. 116–122.

¹⁵ Соловьева, Н.С. Взгляд на образ руководителя сквозь призму гендерных стереотипов (на материале фразеологии) / Н.С. Соловьева // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 32. – С. 56–61.

¹⁶ Большова, Н.Н. Государственная политика в области высшего образования и науки как инструмент «мягкой силы» (опыт Германии) / Н.Н. Большова // Вестник МГИМО Университета. – Москва, 2014. – № 2 (35). – С. 71–80.

США склонны сами развивать собственные «гражданские силы», а ЕС требует военного соучастия в международных событиях¹⁷.

«Умная сила» в российских официальных внешнеполитических документах не используется. После событий грузино-югоосетинского конфликта Россия основывается на сдержанном методе использование вооруженных сил. У страны имеются ресурсы для развития интеграционных проектов на постсоветском пространстве. В последние годы развивался и элемент «мягкой силы» - поддержание и распространение русского языка и культуры, расширение присутствия РФ в мировом информационном пространстве¹⁸.

Таким образом, «умная сила» - это не просто тесное взаимодействие военной мощи и информационно-культурного влияния, это эффективное использование всех доступных ресурсов в политических целях, мобилизация всех способов решений глобальных проблем.

Феномен «силы» в международных отношениях с каждым годом улучшается или видоизменяется. Это чаще всего связано с усложнением экономического и политического пространства, с появлением новых акторов, а также процессов глокализации и регионализации, и со стремлением одержать победу против новых международных вызовов.

Последние четыре года все более стали заметны попытки ведущих западных рейтинговых агентств повлиять на российские рынки. К примеру, в 2015 году три ведущих рейтинговых агентства (Fitch, S&P, Moody`s) понизили рейтинги России до низкого уровня. Такие действия напоминают скоординированную атаку. Более того, агентства аргументировали свою позицию на оценках политических событий на Украине и антироссийскими санкциями западных стран. Все это приводило к снижению курса рубля,

¹⁷ Lecoutre, S. The US Shift Towards 'Smart Power' and its Impact on the Transatlantic Security Partnership / S. Lecoutre // EU diplomacy papers. College of Europe. – Brugge, 2010. – P. 18-27.

¹⁸ Чихарев, И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики. / И.А. Чихарев // Международные процессы. – Москва, 2011. – С. 93-98.

рейтингу российских компаний и банков, в результате чего нанесло прямой ущерб экономике страны¹⁹.

Из этого примера заметно становление новой формы глобальной власти или силы – «рейтинговая сила» (charts power или index power)²⁰. Впервые термин был использован в работе В.Г. Иванова и М.Г. Ивановой в статье ««Charts power» — страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы». Данный тип власти можно отнести к разновидности «мягкой силы» Дж. Ная.

В современном мире существует множество рейтингов, которые регулярно публикуются. Среди огромного перечня можно выделить наиболее влиятельные и авторитетные – это Fitch, Standard&Poor`s, Moody`s со штаб-квартирами в Нью-Йорке и Бостоне. Из экономических журналов особой популярностью пользуется Euromoney.

Главной чертой рейтингов является то, что они обычно имеют синтетический характер, то есть объединяют некоторый ряд переменных, которые не обязательно фигурируют в реальной жизни. При этом они стараются быть независимым источником. По факту заметна другая особенность – привязанность к конкретным политическим событиям. Например, после вхождения Крыма в состав РФ, популярные агентства моментально понизили рейтинги России²¹. Критерии, которые используются для составления рейтингов, варьируются от политической стабильности до уровня свободы слова, от качества государственного управления до уровня привлекательности национальной культуры²².

К минусам «рейтинговой силы» можно отнести обобщение, множество противоречий, применение собственных критериев, недостаток накопленной

¹⁹ Иванов, В.Г. «Charts power» — страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Часть I / В.Г. Иванов, М.Г. Иванова // Вестник РУДН: серия политология. – Москва, 2015. – № 2. – С. 37.

²⁰ Иванов, В.Г. «Charts power» — страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Часть I / В.Г. Иванов, М.Г. Иванова // Вестник РУДН: серия политология. – Москва, 2015. – № 2. – С. 37.

²¹ Кремль прокомментировал понижение рейтинга России агентством S&P [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд». – 2014. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/news/2014/3/21/678387.html>.

²² Иванов, В.Г. «Charts power» — страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Часть I / В.Г. Иванов, М.Г. Иванова // Вестник РУДН: серия политология. – Москва, 2015. – № 2. – С. 37.

статистики, имеет низкую прозрачность и уровень конкуренции, широкое пространство для злоупотребления, продвижения своих интересов и реализации своей внешней политики²³.

Именно так США и Запад используют рейтинговые компании для своих целей. Это открывает множество возможностей как экономических (продвижение интересов своих компаний), так и политических (распространение власти).

Анализируя один из наиболее авторитетных среди политологов индексов политической стабильности «Показатели эффективности государственного управления в странах мира» (сравниваются 213 стран) от Института Всемирного Банка, можно увидеть, что оценка дается по шести критериям:

1. Учет мнения населения и отчетность государственных органов.
2. Отсутствие насилия и политическая стабильность.
3. Эффективность работы правительства.
4. Качество законодательства.
5. Верховенство закона.
6. Контроль коррупции.

Все эти параметры оцениваются по 100-бальной системе, на основе их суммы делается вывод об эффективности государственного управления. За период с 2010-2015 год по всем шести критериям у России и не доходило до 30 баллов, но что касается США, Германии шкала поднималась почти до 90 баллов в каждом критерии²⁴.

К недостаткам данного индекса можно отнести:

1. Он не отслеживает динамику изменения в разных сферах в какой-то одной стране, он осуществляется межстрановую оценку путем сравнения государств.
2. Опора на субъективные индикаторы, основанные на восприятии.

²³ Кашкин, В. Можно ли доверять суверенным кредитным рейтингам? [Электронный ресурс] / В. Кашкин // РЦБ, РФ. – 2005. – Режим доступа: <http://www.rcb.ru/rcb/2005-01/6619/>.

²⁴ Качество государственного управления [Электронный ресурс] // World Bank Policy Research: Governance Matters. – 2017. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/governance-matters/governance-matters-info>.

3. Ограниченность используемых источников.
4. Методологическую основу данного индекса составляет опрос экспертов, но большинство этих экспертов из США и Великобритании.
5. Эффект «имиджевых оценок»²⁵.

Делая вывод, «рейтинговую силу» можно определить как составляющую «мягкой силы», реализуемую не только государствами, но различными международными организациями. Из этого следует, что «рейтинговую силу» используют в информационных войнах, продвигая политические ценности, идеологии, стратегии, формируя привлекательный образ государства. Это будет оружие не оборонительное, а наступательное, ведь искажение действительности, навязывание стандартов, выгодных противнику, будет актуальным для реализаций целей²⁶.

В противовес западным рейтинговым агентствам создаются восточные. В качестве наиболее заметного примера можно отметить китайское рейтинговое агентство Dagong Global Credit Rating, созданное в 2010 году. Ростом такой активности стало возросшая экономическая мощь Китая и опора на «мягкую силу», с которой проще достигать национальных целей. Китай пытается продвигать свое видение мировой экономики и политический процессов²⁷.

Рост напряженности в этой рейтинговой сфере ведет к постепенному подрыву западного влияния, что создает новые возможности для Китая и стран БРИСК. И уже видны решительные сдвиги – в 2013 году Москва и Пекин создают свое международное независимое рейтинговое агентства Universal Credit Rating Group. Это улучшает сотрудничество между двумя странами и создает площадку к созданию альянсов и продвижение своих интересов.

²⁵ Иванов, В.Г. Сравнительные международные рейтинги и индексы как инструменты оценки политической стабильности: pro et contra / Баров С.А., Зубкова А.И., Иванов В.Г., Чихринова А.И., Ярославцева А.О.; под ред. В.Г. Иванова // Политическая стабильность: методология сравнительных исследований, анализ региональных проблемных зон: коллективная монография. - Москва: РУДН, 2012. – С. 15.

²⁶ Манойло, А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов // Москва: Горячая линия-Телеком. – Москва, 2015. – 3-е изд. – С. 212.

²⁷ Приходько, Н. С рейтинговой монополией «тройки» покончат [Электронный ресурс] / Н.С. Приходько // Вести, Экономика. – 2015. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/53805>.

Другой новой формой власти можно назвать – «острую силу» (sharp power). Впервые этот термин был опубликован в докладе Кристофера Волкера и Джессики Людвиг «Острая сила: рост авторитарного влияния в демократическом мире» в 2017 году. Главная идея – влиять на политическую систему государства-противника с помощью манипулирования общественным мнением, что по итогу приведет к подрыву власти²⁸. Такое странное название термин приобрел благодаря сравнению, «острая сила» также ловко проникает в информационную и политическую сферы стран-противников как нож или шприц. Иногда страны, которые используют данную силу, желают оставаться инкогнито, порой этот метод становится очень эффективным.

С 2018 года этот термин активно вошел в обиход в странах Запада: различные новостные порталы, доклады исследователей, научные конференции. Понятие «острая сила» использовалось в заявлении Китайской Коммунистической партии для опровержения обвинений западных журналистов в использовании этого инструмента²⁹.

Говоря о новой геополитической ситуации, Кристофер Волкер и Джессика Людвиг настаивают на использование «острой силы» вместо «мягкой силы» в отношении стран с авторитарным режимом. Главными компонентами этой силы являются подрывная деятельность, запугивание и давление³⁰. Обязательное условие – авторитарная страна действует в отношении демократического государства. Отличительная особенность в том, что она сосредоточена на агрессивных действиях, которые направлены на искажение информации и манипулирование, а не на увеличение собственной привлекательности и убеждения, как у «мягкой силы» и не на применения военного и экономического принуждения, как у «жесткой силы» и «рейтинговой силы».

²⁸ Walker, C. The Meaning of Sharp Power [Электронный ресурс] / C. Walker, J. Ludwig // Foreign Affairs. – USA, 2017. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power>.

²⁹ Parkins, D. What to do about China's "sharp power" [Электронный ресурс] / D. Parkins // The Economist. – UK, 2017. – Режим доступа: <https://www.economist.com/leaders/2017/12/14/what-to-do-about-chinas-sharp-power>.

³⁰ Walker, C. The Meaning of Sharp Power [Электронный ресурс] / C. Walker, J. Ludwig // Foreign Affairs. – USA, 2017. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power>.

В пример Кристофер Волкер и Джессика Людвиг приходят два государства: Китай и Россия. По их мнению, эти страны пытаются проникнуть в молодые демократические системы государств в Латинской Америке и Центральной Европе, чтобы приобрести сторонников и нейтрализовать критику в адрес своих режимов. За прошедшее десятилетие Пекин и Москва потратили десятки миллиардов долларов, чтобы сформировать общественное восприятие и поведение во всем мире - используя новые и старые инструменты, которые используют асимметрию открытости между их собственными ограничительными системами и демократическими обществами³¹.

О новой концепции высказался и политолог Джозеф Най. Он подчеркнул, что сложно провести четкие границы между «мягкой силой» и «острой силой» и что «информационная война», как определение, больше подходит для этого инструмента. Джозеф Най акцентирует внимание, что использовать публикации в СМИ, научные контакты и культурные обмены это проявление «мягкой силы», а не авторитарного влияния.

«Острая сила», то есть обманное использование информации для враждебных целей, является типом жесткой силы. Манипуляция идеями, политическими взглядами и избирательными процессами имеет долгую историю. Джозеф Най утверждает, что «острая сила» появилась не в наше время, ведь и Соединенные Штаты, и Советский Союз прибегали к таким методам еще во время «холодной войны». Авторитарные правительства давно пытались использовать поддельные новости и социальные нарушения для снижения привлекательности демократии. В 1980-х годах КГБ посеяло слухи о том, что СПИД является продуктом правительственных экспериментов в США с биологическим оружием; слух начался с анонимного письма в маленькую

³¹ Walker, C. The Meaning of Sharp Power [Электронный ресурс] / C. Walker, J. Ludwig // Foreign Affairs. – USA, 2017. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power>.

газету в Нью-Дели, а затем был распространен во всем мире большим тиражом и постоянным повторением³².

Хотя «острая сила» и «мягкая сила» работают по-разному, различие между ними может быть трудно различимым. В пример можно привести что, когда Russia Today и Xinhua открыто выступают в других странах, они использует мягкую силу. Когда China Radio International скрытно поддерживает радиостанции в других странах, это перерастает уже в «острую силу».

1.2. Концепция «обязанность защищать» и ее отражение в международных документах

В 1980-1990-х годах популярность имела концепция «гуманитарная интервенция», которая позволяла одним государствам вмешиваться в дела других государств для защиты прав населения, но с использованием военной силы. Чаще всего к этой концепции обращались США и НАТО в своих политиках. Игнорирование всех норм международного права в отношении силы и не использование таких институтов для решения конфликтов, как ООН и СБ, привели к событиям в Югославии в 1999 году и в Ираке в 2003 году. Возник катастрофический диссонанс между США и Европой в отношениях политических и общественных ценностей.

Только на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1999 году и на 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2001 году официально зашла речь о «гуманитарных интервенциях». Инициатором был тогдашний Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, который высказал, что гуманитарные интервенции, а именно – Индии в Восточном Пакистане в 1971 году, Вьетнама в Камбодже в 1978 году и Танзании в Уганде в 1979 году, происходят в одностороннем порядке, а не уполномочены СБ ООН, что противоречит Уставу. Это вызывало беспокойство, необходимость установить рамки

³² Nye Jr Joseph S. How Sharp Power Threatens Soft Power [Электронный ресурс] / Joseph S. Nye Jr. // Foreign Affairs. - USA, 2018. - Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>.

правовых действий по прекращению гуманитарных катастроф и повысить роль суверенитета³³.

Главными пунктами на повестке дня были – возможно ли ограничить правом мирового сообщества суверенитет государства для решения проблем, используя военные операции или гуманитарную интервенцию или государство обладает абсолютным суверенитетом на своей территории.

Таким образом, мощным толчком для появления концепции «обязанность защищать» (the responsibility to protect), стали радикальные изменения в международных отношениях, развитие глобализации, появление новых векторов в сферах международного сотрудничества и новых мировых проблем, а так же поиск решения этих проблем³⁴.

В своей истории концепция прошла несколько этапов развития.

Первой, кто обратился к концепции для решения вопросов о суверенитете, была Международная комиссия по вмешательству и государственному суверенитету, созданная в Канаде в 2000 году. В своем докладе они впервые упомянули термин «обязанность защищать», как новая концепция государственного суверенитета, подчеркивая, что защита не предусматривает военные вопросы и борьбу между государственным и индивидуальным суверенитетом. То есть, обращаясь к Уставу ООН, каждое государство должно уважать суверенитет другого согласно принципу невмешательства в дела. Особое внимание отдавалось признакам, которые определили суть концепции: «обязанность предотвращать, обязанность реагировать и обязанность восстанавливать». Другими словами, Комиссия обозначила последовательность этапов осуществления концепции «обязанность защищать»³⁵.

³³ Аннан, К. Размышления о проблеме вмешательства / Кофи Аннан // Департамент общественной информации ООН. Сборник выступлений Генерального секретаря ООН «Проблема вмешательства», 1999. – С. 11-12.

³⁴ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хельсинки, 1 августа 1975 года [Электронный ресурс] // Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/24/38/>.

³⁵ Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственному суверенитету «Ответственность по защите»: док. ООН A/57/303 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2002. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/57/303>.

Большинство всех современных вооруженных конфликтов являются внутренними, а не международным, но доля погибших гражданских лиц с каждым годом растет. Поэтому перед ООН, организацией, у которой главной целью является поддержание мира и безопасности, возникает трудная задача: как сохранить принципы суверенитет государств-членов и одновременно обеспечить защиту интересов гражданских лиц в этих государствах.

Международная комиссия по вмешательству и государственному суверенитету попыталась решить эту задачу. В новой концепции суверенитет воспринимается не как власть, а как ответственность в отношении внешних и внутренних функций. Конкретно идет речь об ответственности государства за безопасность граждан, политическая ответственность внутри страны перед гражданами и ответственность за свои деяния³⁶.

В это же время Комиссия пытается решить такие моменты, как установка четких правил для необходимости вмешательства, как будет осуществляться эта процедура и как определить правомерность военного вмешательства.

Второй этап характеризуется Докладом Группы высокого уровня по угрозам вызовам и переменам («Группа мудрецов»), учрежденной Генеральным секретарем ООН К. Аннаном в 2004 году. Этот доклад стал реакцией на нестабильность сосуществования двух полей – исламского и западного обществ и возрастание роли терроризма в международных отношениях. Здесь концепция получает своё второе название: «ответственность по защите». На этом этапе она почти полностью заменила концепцию «гуманитарных интервенций» в СБ ООН. Главную ответственность за защиту своего населения от всех преступлений несет суверенное государство. Только при условии того, что государство не может, в связи с какими-то факторами, или не хочет обеспечить защиту, ответственность берет на себя международное сообщество в лице Совета Безопасности ООН. Реализуется все это только с помощью мирных действий. Обращение к военным действиям, если оно действительно

³⁶ Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. [Электронный ресурс] // The Responsibility to Protect. – 2001. – Режим доступа: <http://www.idrc.ca/EN/Resources/Publications/Pages/IDRCBookDetails.aspx>.

необходимо, является крайним средством для восстановления разрушенного общества³⁷.

Главные тезисы доклада легли в основу, перед 60-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН в 2005 году, в Итоговой документ Всемирного саммита ООН. Его приняли главы государств и правительств 170 стран. Другими словами, произошел третий этап в развитие концепции и, пожалуй, самый главный. В документе было сказано, что «ответственность за защиту» - это совокупность всех обязательств, как каждого суверенного государства, так и международного сообщества в целом. Подчеркивалось, что обязанность каждого государства – это защита своего населения от массовых злодеяний, таких как, геноцид, этнические чистки, преступления военного характера, преступлений против человечности и прочее, а также предотвращать такие преступления на начальных этапах, проводя различные мероприятия в своей стране. Обязанность возлагается и на международное сообщество, которое в своих действиях должно использовать только дипломатические, гуманитарные и иные средства для решения данных проблем и в особенных случаях предпринимать коллективные действия в соответствии с Уставом ООН. Военная интервенция рассматривается как крайняя мера в решение проблемы. Так же говорилось о сотрудничестве, в случае необходимости, с региональными организациями. Было упомянуто положение, что только через Совет Безопасности ООН все мировое сообщество сможет эффективно достигать своих целей в поддержание мира и безопасности³⁸. Один из принципов гласит, что суверенитет является обязанностью государства, а не привилегией. Интересный факт, что концепция создает все основания для нарушения суверенитета, то есть внешняя ответственность государства в недопущение гуманитарных проблем это и есть часть суверенитета того же государства. Другими словами, когда в государстве существует ряд гуманитарных проблем – это прямое нарушение суверенитета.

³⁷ Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам: док. ООН A/59/565 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2004. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/59/565>.

³⁸ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года [Электронный ресурс] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/60/1. – 2005. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902131568>.

Следующим, четвертым, шагом в развитие стало упоминание концепции в докладах Генерального секретаря с 63 по 67-ую сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Исключительно развитию концепции «обязанность защищать» был посвящен следующий этап – доклад Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна в 2009 году «Выполнение обязанности защищать». Речь в докладе уже шла о том, что концепция – это союзник для суверенитета, а не противник. Подчеркивается в докладе, что государство ответственно защищает свое население, действуют в полной мере своих возможностях и без колебаний³⁹. Доклад стал неким разъяснительным документом, который определил более точно содержание концепции и ее роль в ООН.

Заметно, что западные страны активно отстаивают данную концепцию в стенах ООН, ведь многие считают, что это западно-либеральный проект, который обеспечивает не защиту людей от преступлений, а реализует интересы «золотого миллиарда». Несмотря на это, концепция все больше получает популярность в политической науке, но размытость признаков порождает произвольную трактовку ее целей в операциях⁴⁰. Именно поэтому международное сообщество не пришло к консенсусу относительно необходимости внесения концепции в Устав ООН. Концепция не получила воплощения в общем международном праве в качестве универсальных обязательств государств-членов ООН.

На сегодняшний день можно привести более десяти международных конфликтных ситуаций, для урегулирования которых страны прибегали к конвенции «гуманитарная интервенция». Уже с 90-х годов США с союзниками пытались урегулировать ситуацию с курдами на севере Ирака и шиитами на юге. Следующим этапом была миротворческая операция ООН в Сомали в 1992-

³⁹ Выполнение обязанности защищать [Электронный ресурс] // Доклад Генерального секретаря ООН A/63/677 от 12 января 2009 г. – 2009. – Режим доступа: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/206/12/PDF/N0920612.pdf>.

⁴⁰ Коньшев В.Н. Защита гражданского населения в миротворческой деятельности ООН: проблемы и перспективы / В.Н. Коньшев, А.И. Кубышкин, А.А. Сергунин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – С. 53-66.

1995 годах, не обвенчавшаяся успехом. Операция НАТО «Обдуманная сила» в 1995 году во время Боснийской войны показала, как может работать конвенция «гуманитарная интервенция» в сфере военных операций. Сюда же можно отнести события в Югославии 1999 году.

Ураган в 2008 году в Мьянме расставили расширить новую конвенцию «обязанность защищать», добавив к геноциду и другим международным проблемам стихийные бедствия. Так же можно утверждать, что Россия использовала эту конвенцию для вторжения в Южную Осетию в 2008 году для урегулирования конфликта.

События в 2011 году в Ливии заставили все мировое сообщество по-другому посмотреть на ранее высказанные концепции. Речь идет о военной операции НАТО против Ливии, санкционированное Резолюцией Совета Безопасности ООН 1973. Особенно критика подверглись бомбардировки НАТО по гражданским объектам, которые в итоге привели к гибели большего числа граждан. В резолюции содержалась ссылка на концепцию «обязанность защищать» и то, что НАТО и Совет Безопасности действуют лишь из-за поддержания международного мира и безопасности. Но, к сожалению, по факту заметно активное продвижение своих геополитических целей. Это подтверждается словами Хилари Клинтон в интервью 2011 года, где она сказала, что война в Ливии - модель действий, которые будет применять США⁴¹.

Уже осенью в 2011 году делегация из Бразилии во главе с президентом Дилмой Руссеффорном на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи предложила новую концепцию под названием «ответственность во время защиты», так как «ливийская модель» воздействия на другие государства вызвала сомнения у ряда стран.

⁴¹ Clinton: Libya showed U.S. leadership to be «essential» [Электронный ресурс] / Clinton // The Washington Post. – 2011. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/hillarys-war-how-conviction-replaced-skepticism-in-libya-intervention/2011/10/28/gIQAhGS7WM_story.html?noredirect=on&utm_term=.b12b1a39093d.

Бразильский проект основывался на двух моментах – это анализ концепции «обязанность защищать» и анализ военной операции в Ливии. Одним из главных моментов было то, что проект признал три критерия ответственности за защиту: ответственность за события в своем государстве, временной порог для применения силы (только при неспособности государством решить свои проблемы) и процедура принятия решения (решение о применении силы применяет Совет Безопасности ООН). Главный приоритет в концепции отдается основам международного права.

Новая концепция проводит четкую черту между коллективной безопасностью и коллективной ответственностью. Концепция особенно выделяет роль суверенных, отдельных государств, международных организаций, различных неправительственных организаций и других акторов международных отношений. Слияние двух этих понятий возможно только при наличии международной угрозы в рамках нескольких государств, об этом говорил в своей работе Владимир Котляр⁴².

К средствам концепции можно отнести предупреждение об угрозе, анализ ситуации, предотвращение на начальном этапе очаг конфликта. Можно утверждать о том, что главное – это не просто добиться успешной завершения миссии, а попытаться не допустить саму военную операцию и избежать большое количество смертей.

В отличие от предыдущей концепции «обязанность защищать» новая не ограничивает государственный суверенитет, она не дает возможности обойти принцип невмешательства во внутренние дела отдельного, суверенного государства.

Создатели проекта настаивали на совместном развитии концепций, ведь международное сообщество только при реализации ответственности по защите должно проявлять ответственность во время защиты⁴³.

⁴² Котляр, В. «Ответственность при защите» и «арабская весна» [Электронный ресурс] / В. Котляр // Журнал «Международная жизнь». – 2017. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/740>.

⁴³ Котляр, В. «Ответственность при защите» и «арабская весна» [Электронный ресурс] / В. Котляр // Журнал «Международная жизнь». – 2017. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/740>.

К главным положениям концепции можно привести⁴⁴:

1. Главная роль отводится превентивной дипломатии, ведь только это уменьшает риск возникновения конфликтов, которые в свою очередь приведут к гуманитарной катастрофе.
2. Международное сообщество должно в полной мере использовать всевозможные мирные средства для защиты населения от угрозы уничтожения и действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН и положениями Итогового документа от 2005 года.
3. Любое применение силы должно быть санкционировано Советом Безопасности ООН.
4. Применение военной силы должно быть ограничено определенными рамками: правовыми и временными, а масштабы операций должны соответствовать целям и принципам мандата, выданного Советом Безопасности ООН или Генеральной Ассамблеей ООН. Решение гуманитарного конфликта осуществляется строго в соответствии с принципами и нормами международного права.
5. Использование военной силы не должно наносить больший ущерб, чем планировалось. Проще говоря, минимизировать насилие и дестабилизировать обстановку.
6. Все действия, особенно при применении военной силы, должны быть разумными, пропорциональными, высокой степени вероятности достижения позитивного результата и ограничены целями Совета Безопасности ООН.
7. Данные принципы обязаны применяться на протяжении всего конфликта: с принятия резолюции Советом Безопасности ООН или Генеральной Ассамблеей ООН до отмены этой резолюции.

⁴⁴ Stuenkel O. Regulating Intervention: Brazil and the Responsibility to Protect / O. Stuenkel, M. Tourinho // Conflict, Security & Development. – 2014. – P. 379–402.

8. Активно должна идти разработка новых, расширенных принципов, которые лучше смогут обеспечить безопасность гражданского населения.
9. Совет Безопасности ООН должно гарантировать, что все лица, которые учувствуют в применение военной силы, несут ответственность за свои действия.

В проекте также видно различие между военными принудительными мерами и невоенными. Этот пункт был доработан во избежание неосмотрительного применения силы. Концепция призывает к внимательному анализу ситуации перед применением силы и к использованию все вариантов дипломатических методов, ведь даже справедливая военная сила приводит к многочисленным потерям гражданских лиц.

Но в 8 пункте проекта оговаривается возможность возникновения ситуации, где без военной операции не справиться с гуманитарной катастрофой. Анализируя же следующий пункт 9 концепции, видно, что силовое применение для решения конфликтов только усугубляет ситуацию, привлекая и других акторов, например терроризм. Те лица, которые несут ответственность за свои действия в военной операции, должны нести наказание в случае превышения полномочий. Паула Алмейда в своих работах говорил об использовании концепции «обязанность защищать» для достижения своих целей, а не защиты прав граждан страны⁴⁵.

Таким образом, эти положения, по мнению бразильской делегации, будут удерживать мировое сообщество от принятия поспешных решений о применение военной силы для защиты прав человека. В случае осуществления таких операций, то мировое сообщество должно придерживаться этой концепции в течение всего конфликта.

Говоря о критике, стоит отметить, что страны БРИКС, Аргентина и Коста-Рика положительно восприняли концепцию, утверждая, что это

⁴⁵ Almeida P. Brazilian View of Responsibility to Protect: From 'Non-Indifference' to 'Responsibility while Protecting' / P. Almeida // Global Responsibility to Protect. – 2014, – P. 29-63.

уникальный инструмент для устранения сомнительных моментов в концепции «обязанность защищать»⁴⁶.

Даже, несмотря на то, что новый проект несет сугубо положительный характер с благородной целью защиты от международных преступлений, не удалось избежать и негативных отзывов. Такое мнение высказали такие страны, как Великобритания, Франция, ФРГ, США. Главными высказанными моментами стали:

1. Отсутствие сформулированной концептуальной основы.
2. Вопрос о самостоятельности концепции.
3. Критика в сторону алгоритма проведения защиты.

Концепция обосновывает вторжение государств в Ливию в 2011 году, а из современного - в Сирию. Многие видят схожесть этих двух международных ситуаций. Информационная война против Сирии и военные действия все так же используются странами, прикрывая все это концепцией «ответственность во время защиты»⁴⁷.

На сегодняшний день концепция упоминается в различных документах в вопросах гуманитарной интервенции, но без «лидера» особого развития не получает. Бразильское руководство больше не обращалось к этой теме в вопросах повестки дня. Многие считают, что Бразилия достигла своей цели. Она показала, что способна выступать с такими громкими предложениями по животрепещущим проблемам современных международных отношений, пытаясь повлиять на них. Но без детальной разработки и закрепления в более значимых документах, например, - в Уставе ООН, концепция потерпит поражение.

⁴⁶ Almeida P. Brazilian View of Responsibility to Protect: From 'Non-Indifference' to 'Responsibility while Protecting' / P. Almeida // *Global Responsibility to Protect*. – 2014, – P. 29-63.

⁴⁷ Котляр, В. «Ответственность при защите» и «арабская весна» [Электронный ресурс] / В. Котляр // Журнал «Международная жизнь». – 2017. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/740>.

Глава 2. Анализ применения «сил» на примере различных регионов

В данной главе речь пойдет о применении государствами сил на территории иностранных государств в начале XXI века, а именно какие силы используют государства, применяется ли концепция «обязанность защищать» в международных конфликтах, а также какое влияние они оказывают на мировое сообщество в целом. Будут рассмотрены по отдельности конфликты в таких странах, как Ливия и Венесуэла.

2.1. Реализация подходов «сил» в рамках концепции в Ливии

Случай гуманитарной интервенции в Ливии в 2011 году уникален, так как он ознаменовал собой “первое полномасштабное испытание” руководящих принципов концепции «обязанность защищать». В марте 2011 года, когда по всему арабскому миру вспыхнули восстания, международное сообщество обратило свое внимание на Ливию, где силы Муаммара Каддафи, казалось, намеревались совершить резню в городе Бенгази, где к тому времени повстанцы установили опорный пункт.

В своих выступлениях еще в феврале Каддафи использовал язык, напоминающий радиопередачи 1994 года, призывающие к геноциду в Руанде. Он назвал протестующих “тараканами” и “крысами” и публично сказал, чтобы никто не проявлял милосердия к повстанцам. Он желал “очищать Ливию дом за домом”, пока повстанцы не сдадутся⁴⁸. Согласно докладу Human Rights Watch от 20 февраля 2011 года, по меньшей мере, 233 человека были убиты на недели с 7 по 13 февраля, и правительственные силы без разбора напали на гражданских лиц⁴⁹.

⁴⁸ “The Crisis in Libya” [Электронный ресурс] // The Economist. – 2011. – Режим доступа: <https://www.economist.com/node/21526693/comments>.

⁴⁹ “Libya: Governments Should Demand End to Unlawful Killings” [Электронный ресурс] // Human Rights Watch. — 2011. – Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2011/02/20/libya-governments-should-demand-end-unlawful-killings>.

Столкнувшись с неизбежной кровавой бойней, широкий круг неправительственных организаций, включая ливийские, европейские, африканские, азиатские и американские организации, призвали Организацию Объединенных Наций выполнить свою обязанность по защите гражданского населения и недопущению совершения силами Каддафи массовых убийств и потенциального геноцида⁵⁰. Глобальный центр ответственности за защиту настоятельно призвал Совет Безопасности ООН принять меры по защите населения Ливии, включая бесполетную зону для предотвращения воздушных нападений на гражданских лиц, эмбарго на поставки оружия режиму Каддафи, санкции против правительства и комиссию по расследованию военных преступлений. Центр также призвал региональные организации поддерживать такие меры. Лига арабских государств (ЛАГ), Организация Исламская конференция (ОИК) и Африканский Союз (АС) выступили с призывами к действиям и осуждению насилия, которые имеют решающее значение для принятия более решительных мер⁵¹.

Важно отметить, что, хотя концепция ранее использовалась для того, чтобы подчеркнуть ответственность отдельных государств за защиту, это стало первым случаем, когда Совет Безопасности ООН прямо сослался на доктрину, чтобы уполномочить международное сообщество провести вооруженное вмешательство для защиты гражданских лиц. Резолюция 1973 Совета Безопасности проложила путь для операции под руководством НАТО, чтобы предотвратить наступление сил Каддафи в Бенгази и обеспечить военную поддержку повстанцев. В октябре 2011 года операция закончилась гибелью Муаммара Каддафи и падением его режима, созданием нового правительства и уходом иностранных сил. Хотя новое правительство Ливии настоятельно призвало НАТО остаться в Ливии до конца года, члены НАТО приняли

⁵⁰ “Urgent NGO Appeal to World Leaders to Stop Atrocities in Libya” [Электронный ресурс] // UN Watch. — 2011. — Режим доступа: <https://unwatch.org/urgent-ngo-appeal-to-world-leaders-to-prevent-atrocities-in-libya/>.

⁵¹ “Libya: Governments Should Demand End to Unlawful Killings” [Электронный ресурс] // Human Rights Watch. — 2011. — Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2011/02/20/libya-governments-should-demand-end-unlawful-killings>.

решение прекратить операцию 31 октября, заявив, что Национальный совет может справиться с любыми угрозами безопасности самостоятельно.

Несмотря на широкое осуждение, международные органы, отдельные государства и организации выступают за различные меры реагирования на угрозы Каддафи. Европейский Союз и отдельные государства, включая Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, Швейцарию, Австралию и Канаду, быстро отреагировали санкциями и запретами на поездки⁵². Франция и США в начале кризиса призвали признать повстанческое движение в Ливии и создать бесполетную зону при условии получения региональной и правовой поддержки⁵³.

17 марта Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1973, которая санкционировала бесполетную зону и уполномочивала государства принимать “все необходимые меры... для защиты гражданских лиц и гражданских населенных пунктов, находящихся под угрозой”⁵⁴. В соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН была сформирована коалиция государств – в том числе 15 стран НАТО, Швеция, Иордания, Катар и Объединенные Арабские Эмираты – для реализации бесполетной зоны⁵⁵. Китай, Россия, Индия, Германия и Бразилия воздержались при голосовании. Эту резолюцию широко приветствовали как новаторское решение: она “четко и недвусмысленно подтверждает решимость международного сообщества защитить гражданских лиц от насилия, совершаемого в отношении них их собственным

⁵² Kersavage, Kathryn. The “responsibility to protect” our answer to “never again”? Libya, Syria and a critical analysis of R2P [Электронный ресурс] / Kathryn Kersavage // Journal International Affairs Forum. — 2014. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/23258020.2014.933057?scroll=top&needAccess=true&journalCode=riaf> 20.

⁵³ Kersavage, Kathryn. The “responsibility to protect” our answer to “never again”? Libya, Syria and a critical analysis of R2P [Электронный ресурс] / Kathryn Kersavage // Journal International Affairs Forum. — 2014. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/23258020.2014.933057?scroll=top&needAccess=true&journalCode=riaf> 20.

⁵⁴ Dembinski, Matthias. Libya and the Future of the Responsibility to Protect – African and European Perspectives [Электронный ресурс] / Matthias Dembinski // Peace Research Institute Frankfurt. — 2011. – Режим доступа: <https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/369284305.pdf>.

⁵⁵ “The Crisis in Libya” [Электронный ресурс] // The Economist. – 2011. – Режим доступа: <https://www.economist.com/node/21526693/comments>.

правительством"⁵⁶. Именно поэтому, несмотря на вышеупомянутые опасения, Совет Безопасности ООН санкционировал вооруженное вмешательство для защиты ливийского гражданского населения.

Первоначально Ливия была признана образцовым примером применения концепции. Однако по мере ухудшения ситуации в области безопасности в течение нескольких месяцев после окончания операции наблюдатели начали сомневаться в разумности вмешательства и уровне поддержки послевоенной ситуации в Ливии.

Кампания бомбардировок, сначала проводимая коалицией западных государств при поддержке Катара и Объединенных Арабских Эмиратов, началась сразу после принятия резолюции 1973 года СБ ООН. 24 марта НАТО было поручено координировать и осуществлять правоприменительные меры. Первоначально воздушная кампания была направлена на выведение из строя ливийской ПВО и уничтожение тяжелого вооружения ливийской армии в окрестностях сражающихся городов. Авиаудары быстро остановили наступление ливийских войск на город Бенгази и открыли путь для контрнаступления повстанческих сил. НАТО объявила, что операция "Единый защитник" будет ограничена осуществлением резолюции СБ ООН 1973 года и будет прекращена, как только ливийское правительство выполнит три требования: а) прекратить нападения на гражданские населенные пункты, б) вывести на базы все военные силы и в) разрешить неограниченный гуманитарный доступ⁵⁷.

В течение нескольких месяцев НАТО наносила воздушные удары по удерживаемым правительством районам и вооружала повстанцев, чтобы позволить им продвинуться вперед.

Несмотря на эти мнения, быстро сложилось впечатление, что НАТО не является беспристрастным защитником гражданских лиц, а преследует цель

⁵⁶ "Libya: Ban welcomes Security Council authorization of measures to protect civilians." [Электронный ресурс] // UN News Center. – 2011. – Режим доступа: <https://news.un.org/en/story/2011/03/369392-libya-ban-welcomes-security-council-authorization-measures-protect-civilians>.

⁵⁷ "Europe's intervention in Libya: Who is in charge here?" [Электронный ресурс] // The Economist. – 2011.— Режим доступа: <https://www.economist.com/charlemagne/2011/03/25/who-is-in-charge-here>.

свержения ливийского режима. Такое впечатление создавала динамика конфликта. Новый Совет настаивал на отставке Каддафи, в то время как Каддафи продолжал требовать, чтобы прекращение огня имело приоритет и затем бы последовал процесс политических реформ. Однако НАТО будет продолжать бить ливийских военных. Действия НАТО и ее государств-членов сильно усилили это впечатление:

1. НАТО расширила диапазон целей и атаковала жизненно важные объекты.

2. Ведущие члены НАТО ясно дали понять, что их политической целью является отстранение Каддафи от власти. В заметной совместной статье Барак Обама, Дэвид Кэмерон и Николя Саркози выразили свою приверженность ограниченным целям Совета Безопасности ООН 1973 года, но продолжили утверждать, что “невозможно представить будущее Ливии с Каддафи у власти.

3. Государства НАТО увеличили свою прямую военную поддержку повстанческим силам, обеспечив военную подготовку и якобы также направляя силы специальных операций.

Иными словами, границы между защитой гражданских лиц и стремлением к смене режима становятся все более размытыми, поднимая критические вопросы, касающиеся намерений вмешивающихся сторон и соразмерности применения силы.

В первые дни после окончания войны интервенция в Ливии была воспринята многими как образцовая интервенция и оказалась “учебным примером того, как должна была работать новая доктрина ООН. В статье под названием “Почему ливийские скептики оказались сильно неправы” Анн-Мари Слотер заявила, что вмешательство в Ливию было разумным не только по гуманитарным причинам, но и по внешнеполитическим интересам США⁵⁸.

⁵⁸ Slaughter, Anne-Marie. “Why Libya sceptics were proved badly wrong.” [Электронный ресурс] / Anne-Marie Slaughter // Financial Times. – 2011. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/18cb7f14-ce3c-11e0-99ec-00144feabdc0>.

По словам Яна Даалдера и Джеймса Ставридиса, вмешательство в Ливию явилось результатом быстрой международной реакции на ухудшение гуманитарной ситуации в Ливии и включало санкции, эмбарго на поставки оружия, замораживание активов и, в конечном счете, санкционирование применения силы. С разрешения Совета Безопасности ООН и широкой коалиции стран вмешательство было признано законным. Кроме того, со стороны НАТО жертв не было, а воздушная кампания свела к минимуму жертвы среди гражданского населения⁵⁹.

Несмотря на первоначальный оптимизм, многие наблюдатели поставили под сомнение основные предпосылки вмешательства и характер самой миссии. Эти утверждения ставят под сомнение использование концепции «обязанность защищать». Стало очевидным, что главная цель НАТО быстро превратилась в свержение режима Каддафи. Если бы приоритетом НАТО была защита гражданских лиц, было бы достаточно ввести бесполетную зону, бомбить силы безопасности, которые представляют прямую угрозу для гражданских лиц, и попытаться договориться о прекращении огня. Однако НАТО начала предпринимать действия, выходящие за рамки этой цели, включая нацеливание на отступающие ливийские силы и помощь повстанцам, которые отвергли предложения Каддафи о прекращении огня.

Шади Хамид, научный сотрудник Центра по ближневосточной политике Брукингского института и бывший директор по исследованиям Брукингского центра в Дохе, утверждает, что смена режима была необходима для защиты гражданских лиц и поэтому подпадала под сферу действия резолюции Совета Безопасности⁶⁰.

⁵⁹ Kersavage, Kathryn. The “responsibility to protect” our answer to “never again”? Libya, Syria and a critical analysis of R2P [Электронный ресурс] / Kathryn Kersavage //Journal International Affairs Forum. — 2014. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/23258020.2014.933057?scroll=top&needAccess=true&journalCode=riaf> 20.

⁶⁰ Kersavage, Kathryn. The “responsibility to protect” our answer to “never again”? Libya, Syria and a critical analysis of R2P [Электронный ресурс] / Kathryn Kersavage //Journal International Affairs Forum. — 2014. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/23258020.2014.933057?scroll=top&needAccess=true&journalCode=riaf> 20.

Однако, даже если мы признаем, что можно оправдать смену режима для защиты гражданских лиц, западные державы и НАТО нарушили условия резолюций Совета Безопасности, отказавшись признать принятие Каддафи предложения о прекращении огня⁶¹. Таким образом, хотя вопрос о том, соответствовало ли вмешательство требованию “правильного намерения”, является спорным, очевидно, что оно не соответствовало требованию вооруженного вмешательства в качестве последнего средства.

По словам Джареда Генсера, ведущего юриста по правам человека и соредактора журнала *The Responsibility to Protect*, подстрекательский язык, который Каддафи использовал в то время, был движущим фактором и законной основой для использования концепции в качестве оправдания международного ответа. Несмотря на то, что Каддафи настаивал на прекращении огня, как отмечает Генсер, он не отказался от этих заявлений. В конечном счете, говорит Генсер, смена режима, вероятно, была необходима для полного предотвращения совершения Каддафи массовых зверств, но должен был быть поэтапный подход, чтобы продемонстрировать, что это не было основным мотивом для вмешательства и достижения своих целей. Является спорным моментом то, что было ли правильным намерением вмешательство. Очевидно лишь, что операция НАТО не выполнила требование о вооруженном вмешательстве, как в качестве последнего средства⁶².

Вмешательство в Ливии подорвало несколько принципов концепции «обязанность защищать», включая требования справедливого дела, правого намерения, а также тройную ответственность за предотвращение, реагирование и восстановление. При этом вмешательство подчеркнула проблематичный характер концепции, поскольку в ней не содержится четкого учета роли политических интересов в гуманитарных интервенциях и их последствий для

⁶¹ “Libya: Governments Should Demand End to Unlawful Killings” [Электронный ресурс] // Human Rights Watch. — 2011. — Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2011/02/20/libya-governments-should-demand-end-unlawful-killings>.

⁶² Dembinski, Matthias. Libya and the Future of the Responsibility to Protect – African and European Perspectives [Электронный ресурс] / Matthias Dembinski // Peace Research Institute Frankfurt. — 2011. — Режим доступа: <https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/369284305.pdf>.

непоследовательного применения решений о вмешательстве, характера военных операций и поддержки послевоенного переходного периода.

Соединенные Штаты и их союзники не смогли эффективно оценить, что потребуется для обеспечения стабильности и безопасности в Ливии и в регионе. Эта неудача подорвала один из ключевых компонентов концепции: ответственность за восстановление. Он также поставил под сомнение вероятность того, что государства будут поддерживать послевоенные периоды в будущих гуманитарных интервенциях, если это не отвечает их интересам. Как отмечает Джаред Гензер, эта неудача частично является неудачей концепции «обязанность защищать», но в большей степени это неспособность международного сообщества сохранить фокус, который он имеет в фазе конфликта на постконфликтном этапе⁶³.

С 2014 года и по сей день, страна находится в гражданской войне и переживает кризис легитимности, в результате которого за власть борются по существу два правительства. В Ливии продолжаются столкновения между силами, подконтрольными национальному правительству, и армией фельдмаршала Халифы Хафтара⁶⁴.

Из новостных источников видно, что ситуация в Ливии до сих пор обсуждается политиками. Например, 30 апреля 2019 года президент Российской Федерации Владимир Путин обсудил по телефону с турецким коллегой Реджепом Тайипом Эрдоганом обострившуюся ситуацию в Ливии. Главы двух государств высказались за прекращение огня и возобновление процесса политического урегулирования под эгидой ООН⁶⁵.

⁶³Dembinski, Matthias. Libya and the Future of the Responsibility to Protect – African and European Perspectives [Электронный ресурс] / Matthias Dembinski // Peace Research Institute Frankfurt. — 2011. — Режим доступа: <https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/369284305.pdf>.

⁶⁴Путин и Эрдоган обсудили ситуацию в Ливии [Электронный ресурс] // RBC. — 2019. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cc88ab89a79473ed1a949e5#ws>.

⁶⁵Путин и Эрдоган обсудили ситуацию в Ливии [Электронный ресурс] // RBC. — 2019. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cc88ab89a79473ed1a949e5#ws>.

Одним из последних событий, 2 июня 2019 года, является два взрыва на востоке Ливии, где получили ранения, по меньшей мере, 18 человек⁶⁶.

Как отмечалось выше, R2P подчеркивает тройную ответственность: ответственность за предотвращение, ответственность за реагирование и ответственность за восстановление. В случае с Ливией выполнение международной ответственности за реагирование не ставится под сомнение, так как Совет Безопасности ООН, региональные органы и отдельные страны отреагировали на кризис с беспрецедентной эффективностью. Ответственность за предотвращение была поставлена под сомнение в результате отказа от мирных решений до того, как они были полностью реализованы. Однако в послевоенный период Ливии ответственность за восстановление представляет собой наиболее очевидный провал R2P в рамках интервенции в Ливию.

Хотя это оправдано политическими интересами и издержками, неспособность международного сообщества обеспечить адекватную финансовую, военную, институциональную и политическую поддержку Ливии в постконфликтный переходный период подрывает ответственность за восстановление, являющееся важным элементом концепции.

Сегодня ливийский случай остается аномалией как единственное восстание Арабской весны, которое вызвало быстрые действия международного сообщества и привело к вооруженному вмешательству. В условиях широко распространенного насилия и нестабильности в Ливии сегодня многие ставят под сомнение мудрость и эффективность вмешательства.

2.2. Использование различных видов «силы» в Венесуэле

На сегодняшний день Латинская Америка – это динамично развивающийся регион с огромной территорией, которая богата природными ресурсами. Особое значение регион имеет для внешней политики Соединенных Штатов. Здесь сыграла немаловажную роль непосредственная территориальная

⁶⁶СМИ сообщили о двух взрывах на востоке Ливии [Электронный ресурс] // RBC. – 2019. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cf32f2d9a79474d8a0ab842#ws>.

близость регионов, что привело к сотрудничеству во всех сферах. Политика Соединенных Штатов на протяжении всего периода времени была направлена на сохранение гегемонии в странах Латинского региона.

Одним из первых шагов в укреплении позиции США в Латинском регионе было принятие Доктрины Монро в 1823 году, которая рассматривала любое вмешательство Европы в страны Латинской Америки как прямую угрозу национальным интересам США. Именно поэтому США воспринимает этот регион как сферу своих стратегических интересов, одним из ключевых приоритетов во внешней политике и перспективным рынком сбыта⁶⁷. Иными словами, Латинская Америка является очередной площадкой для расширения влияния и создания максимально выгодных условий.

Внешняя политика США в отношении Латинской Америки существенно изменилась в настоящее время. С самого начала политика носила жестокий характер с применением исключительно военной силы и других силовых методов. Этот метод воздействия получил название «жесткая сила»⁶⁸. Использование лишь «жесткой силы» было недостаточным, ведь страны Латинской Америки приобрели широкий потенциал развития, становились все более самостоятельными и укреплялись на мировой арене как акторы.

Именно поэтому Соединенным Штатам пришлось адаптироваться к новым реалиям, так как они уже не могли использовать открытую экспансионистскую политику в качестве взаимодействия с регионом. Позиции США в регионе значительно пошатнулись из-за стремления государств региона к независимости и интеграции.

Следует отметить, что приоритетными государствами для США в Латинской Америке являются Мексика, Куба, Венесуэла, Бразилия и Колумбия.

⁶⁷ Миронов, В.В. «Латиноамериканский вектор во внешней политике США: эволюция доктринальных установок и факторы формирования современности» [Электронный ресурс] / В.В. Миронов // Вестник Омского университета. – 2012. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/latinoamerikanskiy-vektor-vo-vneshney-politike-ssha-evolyutsiya-doktrinalnyh-ustanovok-i-factory-formirovaniya-v-sovremennosti>.

⁶⁸ Гусаков, А.В. «Жесткая» и «Мягкая» сила как инструмент внешней политики США / А.В. Гусаков // Вестник Института стратегических исследований ПГЛУ: сборник научных трудов. – 2011. — № 1. – С. 15-17.

Мексика – самый близкий сосед США, с которым у них общая граница. Особый интерес к Мексике был из-за бурного развития нефтяной промышленности. Это способствовало интенсивному развитию мексиканского рынка из-за американского капитала, но Соединенные Штаты были заинтересованы в максимальном контроле над всеми месторождениями⁶⁹. Но помимо активно развивающихся экономических связей, существовал ряд проблем, которые усложняли развитие отношений: нелегальная иммиграция, наркотрафик.

С Кубой двусторонние отношения складывались не так просто. У стран нет очевидных точек соприкосновения, например, общей границы. Поэтому первоочередной задачей служит попытка восстановления отношений. Но стоит отметить, что в отношениях уже происходит потепление, что служит хорошим шагом для начала диалога.

Отношения между Соединенными Штатами и Венесуэлой последние десятилетия деградировали. В качестве примера можно привести политику президента Уго Чавеса – национализация ключевых отраслей, включая добычу золота и нефтяную промышленность, а это основной объект инвестиций Штатов. Несмотря на это, Соединенные Штаты оставались одним из основных потребителей нефти из Венесуэлы. Они также поддерживали в экономике приток твердой валюты и значительный объем продуктов нефтепереработки (например, бензин, который был очень необходим для транспорта и целом инфраструктуры страны). Но с изменениями цен на нефть появилась несостоятельность экономической политики Венесуэлы. Неизбежным следствием такого исхода стало резкое ухудшение ситуации в стране – инфляция, падение уровня жизни населения, товарный дефицит, эмиграция. Все это начало перерастать в массовые антиправительственные выступления⁷⁰.

⁶⁹ Панфилова, Е.А «Латинская Америка в мировой геополитической системе и в системе геополитических интересов США» / Е.А. Панфилова // Вестник Института стратегических исследований ПГЛУ: сборник научных трудов. – 2011. — № 1. – С.96-104.

⁷⁰Удушение санкциями: США разминаются на Венесуэле [Электронный ресурс] // Газета.ру – 2019. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/comments/2019/02/02_a_12159187.shtml.

Первые санкции Соединенный Штаты ввели в 2014 и 2015 годах с принятием конгрессом США «Закона о защите прав человека и гражданского общества в Венесуэле». Санкции носили определенно персональный характер – запрет на въезд в США, блокировка активов и многое другое. Они были направлены только на лиц, которые, как считали Штаты, задействованы в нарушении прав человека. К 2017 году список персональных санкций был только расширен⁷¹. Учитывая глобальный характер санкций Штатов это решение фактически изолировало государственную экономику страны. Был очевиден тот факт, что США стремились установить полный контроль за нефтяной отраслью в Венесуэле.

Стоит отметить, что США в своей политике использует все силы. Про «жесткую силу» упоминалось выше – это методы принудительной жесткой силы без военного вмешательства посредством экономических санкций или эмбарго, которые влияют на ситуацию в стране. Однако ограничение доступа населения Венесуэлы к продовольствию и лекарствам путем сокращения международной торговли только усугубит существующие проблемы.

«Умная сила» реализуется посредством защиты своего имиджа среди венесуэльцев. Благодаря этому конечной долгосрочной целью является улучшение репутации Америки среди левых стран Латинской Америки⁷². Методы формирования, убеждения и выявления привлекательных действий могут быть реализованы с помощью определенных точек соприкосновения с использованием таких методов, как влияние социальных сетей, для поддержки акций протеста, уменьшения поддержки Мадуро или осуществления действий, изменяющих венесуэльские правительственные учреждения. В будущих протестах политики США могут применять методы «мягкой силы» для ускорения целенаправленных изменений, улучшить успех оппозиции,

⁷¹Удушение санкциями: США разминаются на Венесуэле [Электронный ресурс] // Газета.ру – 2019. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/comments/2019/02/02_a_12159187.shtml.

⁷² Venezuela: Public Diplomacy Implications & the US [Электронный ресурс] // Smart power. – 2013. – Режим доступа: <https://blogs.gwu.edu/ipdgsmartpower/tag/venezuela/>.

отстаивать организационные пути, которые миновали влияния Мадуро, или способствовать развитию внешнего рынка.

«Рейтинговая сила» проявляется не так, как остальные. Заметно, что из-за кризиса в Венесуэле ее рейтинги значительно упали. Например, в статистике ООН видны различия между 2005 годом и 2018 – почти в 5 раз уменьшилась международная торговля (импорт и экспорт), увеличилось число безработных, уменьшилась рождаемость населения и многое другое⁷³.

Можно также попробовать проследить, как в этой ситуации используется «острая сила». Это агрессивные действия Соединенных Штатов, которые направлены на искажение информации и манипулирование. К сожалению, никакой прямой информации о применении этой силы в источниках нет. Из теории известно, что обязательно условие применения силы – авторитарная страна действует в отношении демократического государства. Интересно, что Соединенные Штаты не авторитарное государство. Можно предположить, что все силы используются в совокупности и невозможно четко обозначить какую-то одну силу. Соединенные Штаты используют абсолютно все методы, желая достичь своих целей.

Масштабы нынешнего кризиса свидетельствуют о том, что усилия в областях «умной силы», «рейтинговой силы», «острой силы» должны иметь приоритет над более разрушительными средствами жесткой силы, чтобы минимизировать побочные эффекты. Такие усилия, как военное вмешательство или санкции, усугубят местные трудности, уменьшат доступность продовольствия и медикаментов и еще больше обесценит валюту⁷⁴. Но на практике прослеживается другой путь. Все больше возрастает вероятность использования именно военного вмешательства и других методов, вытекающих из этого.

⁷³UNData: a world of information [Электронный ресурс] // UN. – 2018. – Режим доступа: <http://data.un.org/en/iso/ve.html>.

⁷⁴ Peters, Mark T. Remediating Venezuela: Soft Power Cures for Political Strife [Электронный ресурс] / Mark T. Peters // Small Wars Journal. – 2019. – Режим доступа: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/remediating-venezuela-soft-power-cures-political-strife>.

В сентябре 2018 года Перу, Парагвай, Чили, Аргентина и Канада обратились с просьбой к Международному уголовному суду расследовать предполагаемые преступления режима Николаса Мадуро в Венесуэле, с тем, чтобы установить, являются ли они преступлениями против человечности из-за нарастающего кризиса, как они определены в статье VII Конвенции. В результате политические деятели этих стран начали ссылаться на концепцию «обязанность защищать»⁷⁵.

На сегодняшний день у Соединенных Штатов в ситуации с Венесуэлой есть определенная цель – смена режима и возвращение демократии. И для реализации данной цели нужна именно военная интервенция, так как санкции, дипломатическая изоляция и многие другие методы не привели к ожидаемому результату.

Существует два возможных сценария применения военной силы США в Венесуэле – кампания точных бомбардировок и полномасштабное гуманитарное вторжение. Более вероятен второй сценарий, ведь точные удары чаще всего полностью уничтожают военную и экономическую инфраструктуру, а гуманитарное вторжение позволит создать гражданское правительство, что в итоге приведет к достижению цели⁷⁶.

В ходе заседания Совета Безопасности ООН об этом говорил постоянный представитель России при ООН Василий Небензя, который подчеркивал, что целью Соединенных Штатов является именно смена режима путем военной (гуманитарной) интервенции, а не забота о народе. По словам Василия Небензя Соединенные Штаты стараются довести Венесуэлу до полной бедности и

⁷⁵ Gallagher, Adrian. We need to understand the Responsibility to Protect before we (mis)apply it in Venezuela [Электронный ресурс] / Adrian Gallagher // Latin America and Caribbean Centre. – 2019. – Режим доступа: <https://blogs.lse.ac.uk/latamcaribbean/2019/03/11/we-need-to-understand-the-responsibility-to-protect-before-we-misapply-it-in-venezuela/#author-info>.

⁷⁶ Мора, Фрэнк О. Foreign Affairs (США): какой была бы военная интервенция в Венесуэле [Электронный ресурс] / Фрэнк О. Мора // Иносми.ру. – 2019. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20190321/244789537.html>.

кризиса, чтобы в рамках непризнанной концепции «обязанность защищать» сменить режим в стране⁷⁷.

Но возникает ряд причин, почему все еще не было официального военного вторжения в Венесуэлу. Ведь Соединенные Штаты никогда не стеснялись применять военные методы против стран, которые не хотели входить в сферу влияния⁷⁸.

1. Дональд Трамп – медийный президент Соединенных Штатов. Именно поэтому почти все его поступки, которые несут серьезные геополитические последствия для страны, оказывают огромное влияние на СМИ, что приводит к демонстрации народу выгодной картинки.

2. Вооруженные силы и спецслужбы в Венесуэле, которые продемонстрировали свою стойкость. Это обосновывается тем, что военные силы администрации Николаса Мадуро не приняли сторону противника после того, как Хуан Гуайдо был признан США и странами ЕС. Также ситуация с гуманитарным конвоем показала стремление национальной гвардии отстаивать позицию Николаса Мадуро, хотя, по плану оппозиционеров и американской стороны, вооруженные силы при виде такой мощи должны были не только пропустить их на территорию страны, но и присоединиться.

3. Американская дипломатия, которая с треском провалилась в южноамериканском направлении, а именно в кризисе в Венесуэле. Многие страны ЕС и Южной Америки признали «действующим» президентом именно Хуана Гуайдо, ставленника Соединенных Штатов, но поддерживать военную (гуманитарную) интервенцию не желают. О категорическом неприятии интервенции сообщили правительства Перу, Бразилии, Чили и Колумбии. Иными словами, у Соединенных Штатов уже не получится создать региональную «коалицию» похожей на ту, которая получилась в Ираке.

⁷⁷ Небензя назвал единственную цель США в Венесуэле [Электронный ресурс] // RT на русском. – 2019. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/606256-nebenzya-cel-ssha-venesuela>.

⁷⁸ Что мешает вторжению США в Венесуэлу [Электронный ресурс] // Рамблер. – 2019. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/world/41797969-chto-meshaet-vtorzheniyu-ssha-v-venesuelu/?updated>.

Выступая в регионе самостоятельно, Штаты подорвут позиции своих проамериканских режимов в Южной Америке, что приведет в дальнейшем к серьезным проблемам.

Когда в конце февраля 2019 года Хуан Гуайдо договорился о доставке гуманитарной помощи, которую пожертвовали Соединенные Штаты, в Венесуэлу через Колумбию, Бразилию и Карибский бассейн, министр иностранных дел России Сергей Лавров назвал этот шаг «лицемерным предложением гуманитарной помощи», призванным помочь в смене режима.

А вскоре после этого бывший независимый эксперт Организации Объединенных Наций по содействию установлению демократического и справедливого международного порядка Альфред де Заяс высказался, что концепция «обязанность защищать» – ни что иное, как предлог для военной агрессии, которая по-прежнему запрещена, и является преступлением согласно статуту Международного Уголовного суда. Концепция не может заменить Устав ООН и соответствующую резолюцию Совета Безопасности, но в СМИ все еще торгуют «фальшивой законностью» концепции, добавил независимый эксперт⁷⁹.

По мнению Андрея Кортунова, генерального директора Российского совета по международным делам, недавнее заявление Хуана Гуайдо о том, что он одобряет военную интервенцию США, показывает, что его позиция в этой ситуации довольна слаба. В своем интервью американской газете Washington Post Хаун Гуайдо публично признал, что попытка переворота была безуспешной⁸⁰.

Обращаясь к событиям, которые были 21 января 2019 года, когда начались массовые протесты против президента Николаса Мадуро, многие

⁷⁹Gallagher, Adrian. We need to understand the Responsibility to Protect before we (mis)apply it in Venezuela [Электронный ресурс] / Adrian Gallagher // Latin America and Caribbean Centre. – 2019. – Режим доступа: <https://blogs.lse.ac.uk/latamcaribbean/2019/03/11/we-need-to-understand-the-responsibility-to-protect-before-we-misapply-it-in-venezuela/#author-info>.

⁸⁰ Эксперт прокомментировал готовность Гуайдо одобрить интервенцию в Венесуэлу [Электронный ресурс] // РИА новости. – 2019. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190505/1553269585.html>.

страны ЕС и США заявили, что признают Хуана Гуайдо временным президентом. Wall Street Journal, ссылаясь на свои информированные источники в американском правительстве, сообщили причину, почему Вашингтон выбрал именно Хуана Гуайдо. Венесуэльский оппозиционный активист пообещал Соединенным Штатам легкую и быструю победу, которая произойдет буквально за 24 часа. Анализируя эту информацию, видно, что быструю победу команда Трампа не получила, а расписанного, четкого плана Б у Вашингтона нет, поэтому приходится наблюдать откровенную импровизацию в действиях⁸¹.

Но по другую сторону конфликта существует альтернативное мнение – непонимание концепции «обязанность защищать» в кризисе в Венесуэле. Директор Европейского центра по изучению концепции «обязанность защищать» Доктор Адриан Галлахер утверждает, что влиятельные политические деятели просто не понимают сути концепции и использование ее в конфликтах. Он привел четыре пункта в обоснование своей позиции⁸²:

1. Любое применение силы под руководством США без согласия Совета Безопасности не может быть предпринято на основании концепции.

2. Концепция не ставит своей целью заменить Устав ООН. Скорее «обязанность защищать» было создано в самой системе ООН для решения проблем массовых злодеяний.

3. Концепция не создает каких-либо юридически обязательных обязательств в международном праве, но это не означает, что она юридически недействительно. RtoP - это политическое и моральное обязательство, основанное на уже существующих международных правовых соглашениях,

⁸¹ Что мешает вторжению США в Венесуэлу [Электронный ресурс] // Рамблер. – 2019. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/world/41797969-что-мешает-вторжению-ssha-v-venesuelu/?updated>.

⁸² Gallagher, Adrian. We need to understand the Responsibility to Protect before we (mis)apply it in Venezuela [Электронный ресурс] / Adrian Gallagher // Latin America and Caribbean Centre. – 2019. – Режим доступа: <https://blogs.lse.ac.uk/latamcaribbean/2019/03/11/we-need-to-understand-the-responsibility-to-protect-before-we-misapply-it-in-venezuela/#author-info>.

таких как Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года и Римский статут 1998 года, в котором излагаются правовые обязательства в отношении геноцида, преступлений против человечности и военные преступления.

4. Концепция ничего не говорит о продвижении демократии и не должна использоваться как средство продвижения любых действий в этом направлении. По сути, RtoP касается защиты человека от самых отвратительных преступлений в международных отношениях.

Адриан Галлахер также дал ответ, почему все приводят в пример эту концепцию в ситуации в Венесуэле, так как эта модель схожа с Ливией в 2011 году, когда официально использовалась концепция «обязанность защищать». Там Совет Безопасности ООН обратился к концепции в ответ на угрозу массового насилия со стороны режима полковника Каддафи.

На данный момент реальность такова, что мнения об использовании концепции «обязанность защищать» в ситуации в Венесуэле разнятся. Такое расхождение во мнениях, основывается лишь на геополитических альянсах и идеологии, а не на гуманитарных принципах.

Этот отчетливо можно проследить в заседании Совета Безопасности ООН от 26 февраля 2019 года⁸³.

В ходе последовавших дебатов специальный представитель Соединенных Штатов по Венесуэле Эллиот Абрамс, сказал, что президент Венесуэлы Николас Мадуро танцует, когда люди умирают. Утверждая, что предоставление помощи является прикрытием для политического вмешательства, его режим применяет насилие, в том числе с помощью вооруженных банд, против венесуэльского народа, добавил он. Он отметил, что Соединенные Штаты и многие другие страны поддерживают демократию и призывают к оказанию гуманитарной помощи венесуэльцам, подчеркнув, что свободные,

⁸³ Venezuelans Must Resolve Crisis Themselves, Security Council Delegates Agree while Differing over Legitimacy of Contending Parties [Электронный ресурс] // UN. – 2019. – Режим доступа: <https://www.un.org/press/en/2019/sc13719.doc.htm>.

справедливые выборы безопасное и быстрое возвращение к прежнему состоянию.

Представитель Кубы заявил, что Соединенные Штаты фабрикуют предлоги для военной агрессии против Венесуэлы. Он сказал, что правительства, пытающиеся доставить гуманитарную помощь, являются теми же, кто оказывает давление на смену режима. Вновь подтверждая поддержку Кубой президента Мадуро, она подчеркивает, что мир и безопасность в Латинской Америке необходимо защищать и поддерживать.

Делегат Перу отметил, что ситуация, усугубляемая массовой миграцией, влияет на стабильность в регионе, он подчеркнул, что сами венесуэльцы должны осуществить переход к демократии без применения силы. Перу призывает к проведению свободных и справедливых выборов в рамках международных механизмов мониторинга, добавил он.

Представитель Никарагуа заявил, что он потрясен угрозами, исходящими от некоторых членов, подчеркнув, что агрессия и враждебность должны прекратиться.

Представитель Мексики заявил, что любая гуманитарная проблема должна решаться через нейтральные международные организации, такие как Международный Комитет Красного Креста (МККК) или учреждения Организации Объединенных Наций.

В любом случае, не смотря на различность мнений, очевиден тот факт, что не нужно обращаться к концепции как части геополитической игры, которая установлена для защиты: жертвам геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности и этнической чистки.

Ключевая роль Латиноамериканского региона в политике Соединенных Штатов бесспорна. Заметно лишь то, что меняется принцип взаимоотношений между регионами из-за трансформации глобальных установок. Силовые методы отходят на задний план, лидирующие позиции уже занимают идеи о сотрудничестве и равноправных отношений. Но, к сожалению, Соединенные Штаты окончательно не отказались от использования «жесткой силы» во

внешней политике⁸⁴. На сегодняшний день Штаты в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела государств используют различные методы, включая проблем наркотрафика, нелегальной иммиграции, угрозы международного терроризма, а самое главное – нарушений прав человека. Кейс с Венесуэлой четко показывает, как работает эта схема. Соединенные Штаты проводят правозащитную политику по всем актуальным проблемам для формирования способа вмешательства во внутренние дела государства, контроля и продвижения своих целей.

⁸⁴Богдановский, А. "Жесткая сила": в США анонсировали новый проект бюджета [Электронный ресурс] / А. Богдановский // Рамблер. – 2017. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/business/36346501/utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе выполнения данной выпускной квалификационной работы подтвердилась и актуальность выбранной темы, и намеченная гипотеза самого исследования. В результате становится очевидным, что применение «сил» и «концепции» в рамках политических процессов является эффективным способом достижения поставленных результатов во всем мире в целом. Сегодняшняя обстановка сил и взаимоотношений в мировой политике еще раз подчеркивает важность разумного выбора и использования имеющихся ресурсов для достижения максимальной выгоды.

В результате исследования проблемы использования силы в международных отношениях можно сделать следующие выводы.

В современную эпоху, с развитием информационных технологий и при углублении процесса глобализации, изменяется также и способ влияния на другие государства. С использованием различных ресурсов открылся доступ к использованию таких сил, как «умная сила», «острая» и «рейтинговая» силы. «Умная сила» - это же не просто тесное взаимодействие военной мощи и информационно-культурного влияния, это эффективное использование всех доступных ресурсов в политических целях, мобилизация всех способов решений глобальных проблем. Например, идеальный вариант реализации этой силы можно проследить в политике Барака Обамы, который использовал невоенные инструменты обеспечения безопасности, содействие глобальному развитию, шаги в развитие публичной дипломатии. Помимо США «умную силу» использовали Китай, страны ЕС. Россия продвигает определенные элементы «умной силы»: культура и язык. «Рейтинговая сила» воздействует уже на экономику стран, их образовательную и научную системы, внешнеполитический имидж. Чаще всего имеет особенность привязываться к конкретному политическому событию, трактуя его с «нужной» позиции. «Острая сила» расширяет арсенал возможностей государства, влияя уже на общественность, подрывая при этом власть государства. В пример приводится

политика России и Китая в Латинской Америке и Африке. Все три силы развиваются одинаково и эффективно действуют на людей с разных сфер.

Следующим вопросом является то, как используют эти силы. Ранее государства обращались к конвенции «гуманитарной интервенции», используя только военную силу для решения проблемы. Уже в XXI веке на это место пришли концепции «обязанность защищать» и «ответственность за защиту», где на первое место выходят дипломатические и правовые методы решения конфликтов. Это позволяет сформулировать компромиссные механизмы реагирования на различные ситуации, включая гуманитарные катастрофы и на мировом уровне обеспечить безопасность не одному государству, а всем, не отрицая нормы международного права. Но на настоящий момент, к сожалению, страны используют все эти концепции лишь для скрытия своих «злых» целей, которые достигаются чаще всего только военными методами. Без закрепления в более значимых документах, например, в Уставе ООН, концепции не реализовываются в принудительном порядке.

Доктрина R2P, которую часто хвалят как новую норму для руководства согласованными международными действиями по защите гражданских лиц от массовых зверств, также вызвала споры, поскольку многие утверждают, что политические интересы часто переопределяют гуманитарные мотивы в вооруженном вмешательстве. Интервенция в Ливии стала первым полномасштабным испытанием руководящих принципов концепции и представляет собой ценный объектив для изучения применения этих принципов. Хотя первоначально это считалось образцовым примером применения R2P, мудрость вмешательства в Ливию все больше ставилась под сомнение по мере того, как страна все больше погружается в гражданскую войну. Выделяя недостатки этого вмешательства, можно говорить о двух ключевых элементах структуры R2P – ответственность за предотвращение и восстановление. Что касается будущих вмешательств, то, если ответственность за восстановление по-прежнему имеет важное значение для концепции «обязанность защищать», ООН должна разработать механизм привлечения к

ответственности вмешивающихся государств за обеспечение адекватной поддержки постконфликтного перехода. В отсутствие такого механизма этот элемент R2P будет по-прежнему игнорироваться в пользу национальных политических интересов для минимизации затрат.

Наиболее оппозиционно настроенным государством по отношению к США является Венесуэла. США проводят двойственную политику по отношению к государству. С одной стороны они поддерживают стремление к демократизации общества, а с другой игнорируют принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Сегодня США поддерживают проамериканскую оппозицию в Венесуэле. В связи с этим вряд ли можно говорить о переходе к ненасильственным методам ведения внешней политики США, а также снижении вмешательства во внутренние дела Венесуэлы. Таким образом, очевиден тот факт, что Венесуэла – своего рода лаборатория для нового вида военной (гуманитарной) интервенции США. Сегодня главной целью США является не установление прочных связей с отдельными государствами региона, а восстановление доминирующего положения в целом в регионе. Для этого США придется сочетать методы, как политики «умной силы», «рейтинговой силы», «острой силы», так и ненасильственные способы как концепция «обязанность защищать».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аннан, К. Размышления о проблеме вмешательства / Кофи Аннан // Департамент общественной информации ООН. Сборник выступлений Генерального секретаря ООН «Проблема вмешательства», 1999. – С. 11-12.
2. Богдановский, А. "Жесткая сила": в США анонсировали новый проект бюджета [Электронный ресурс] / А. Богдановский // Рамблер. – 2017. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/business/36346501/utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.
3. Большова, Н.Н. Государственная политика в области высшего образования и науки как инструмент «мягкой силы (опыт Германии) / Н.Н. Большова // Вестник МГИМО Университета. – Москва, 2014. – № 2 (35). – С. 71–80.
4. Выполнение обязанности защищать [Электронный ресурс] // Доклад Генерального секретаря ООН A/63/677 от 12 января 2009 г. – 2009. – Режим доступа: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/206/12/PDF/N0920612.pdf>.
5. Гусаков, А.В. «Жесткая» и «Мягкая» сила как инструмент внешней политики США / А.В. Гусаков // Вестник Института стратегических исследований ПГЛУ: сборник научных трудов. – 2011. — № 1. – С. 15-17.
6. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам: док. ООН A/59/565 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2004. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/59/565>.
7. Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственному суверенитету «Ответственность по защите»: док. ООН A/57/303 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2002. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/57/303>.

8. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хельсинки, 1 августа 1975 года [Электронный ресурс] // Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/24/38/>.

9. Иванов, В.Г. «Charts power» — страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Часть I / В.Г. Иванов, М.Г. Иванова // Вестник РУДН: серия политология. – Москва, 2015. – № 2. – С. 37.

10. Иванов, В.Г. Сравнительные международные рейтинги и индексы как инструменты оценки политической стабильности: pro et contra / Баров С.А., Зубкова А.И., Иванов В.Г., Чихринова А.И., Ярославцева А.О.; под ред. В.Г. Иванова // Политическая стабильность: методология сравнительных исследований, анализ региональных проблемных зон: коллективная монография. - Москва: РУДН, 2012. – С. 15.

11. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года [Электронный ресурс] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/60/1. – 2005. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902131568>.

12. Качество государственного управления [Электронный ресурс] // World Bank Policy Research: Governance Matters. – 2017. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/governance-matters/governance-matters-info>.

13. Кашкин, В. Можно ли доверять суверенным кредитным рейтингам? [Электронный ресурс] / В. Кашкин // РЦБ, РФ. – 2005. – Режим доступа: <http://www.rcb.ru/rcb/2005-01/6619/>.

14. Коньшев В.Н. Защита гражданского населения в миротворческой деятельности ООН: проблемы и перспективы / В.Н. Коньшев, А.И. Кубышкин, А.А. Сергунин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – С. 53-66.

15. Костырев, А.Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики. / А.Г.Костырев // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 2. – С. 143-149.

16. Котляр, В. «Ответственность при защите» и «арабская весна» [Электронный ресурс] / В. Котляр // Журнал «Международная жизнь». – 2017. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/740>.
17. Кремль прокомментировал понижение рейтинга России агентством S&P [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд». – 2014. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/news/2014/3/21/678387.html>.
18. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов // Москва: Горячая линия-Телеком. – Москва, 2015. – 3-е изд. – С. 212.
19. Миронов, В.В «Латиноамериканский вектор во внешней политике США: эволюция доктринальных установок и факторы формирования современности» [Электронный ресурс] / В.В. Миронов // Вестник Омского университета. – 2012. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/latinoamerikanskiy-vektor-vo-vneshney-politike-ssha-evolyutsiya-doktrinalnyh-ustanovok-i-factory-formirovaniya-v-sovremennosti>.
20. Мора, Фрэнк О. Foreign Affairs (США): какой была бы военная интервенция в Венесуэле [Электронный ресурс] / Фрэнк О. Мора // Иносми.ру. – 2019. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20190321/244789537.html>.
21. Най, Дж.С. (мл.). Будущее власти. / Дж. С. Най // АСТ. – Москва, 2014. – С. 89.
22. Най Дж. С.-мл. Умная сила: эссе / Дж. С. Най // Политическая наука. – Москва, 2012. – № 4. – С. 179–194.
23. Небензя назвал единственную цель США в Венесуэле [Электронный ресурс] // RT на русском. – 2019. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/606256-nebenzya-cel-ssha-venesuela>.
24. Панфилова, Е.А «Латинская Америка в мировой геополитической системе и в системе геополитических интересов США» / Е.А. Панфилова // Вестник Института стратегических исследований ПГЛУ: сборник научных трудов. – 2011. — № 1. – С.96-104.

25. Полежаева, Т.В. «Сей старец дорог нам...»: к вопросу о политическом поведении А.С. Шишкова / Т.В. Полежаева // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2014. – № 3 (29). – С. 116–122.
26. Приходько, Н. С рейтинговой монополией «тройки» покончат [Электронный ресурс] / Н.С. Приходько // Вести, Экономика. – 2015. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/53805>.
27. Путин и Эрдоган обсудили ситуацию в Ливии [Электронный ресурс] // RBC. – 2019. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cc88ab89a79473ed1a949e5#ws>.
28. СМИ сообщили о двух взрывах на востоке Ливии [Электронный ресурс] // RBC. – 2019. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cf32f2d9a79474d8a0ab842#ws>.
29. Соловьева, Н.С. Взгляд на образ руководителя сквозь призму гендерных стереотипов (на материале фразеологии) / Н.С. Соловьева // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 32. – С. 56–61.
30. Удушение санкциями: США разминаются на Венесуэле [Электронный ресурс] // Газета.ру – 2019. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/comments/2019/02/02_a_12159187.shtml.
31. Цыганков, П.А. Политическая социология международных отношений / П.А.Цыганков // Москва: Радикс. – Москва, 1994. – С. 46.
32. Чихарев, И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики. / И.А. Чихарев // Международные процессы. – Москва, 2011. – С. 93-98.
33. Что мешает вторжению США в Венесуэлу [Электронный ресурс] // Рамблер. – 2019. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/world/41797969-cto-meshaet-vtorzheniyu-ssha-v-venesuelu/?updated>.
34. Эксперт прокомментировал готовность Гуаидо одобрить интервенцию в Венесуэлу [Электронный ресурс] // Риа новости. – 2019. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190505/1553269585.html>.

35. Almeida P. Brazilian View of Responsibility to Protect: From ‘Non-Indifference’ to ‘Responsibility while Protecting’ / P. Almeida // Global Responsibility to Protect. – 2014, – P. 29-63.

36. Clinton: Libya showed U.S. leadership to be «essential» [Электронный ресурс] / Clinton // The Washington Post. – 2011. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/hillarys-war-how-conviction-replaced-skepticism-in-libya-intervention/2011/10/28/gIQAhGS7WM_story.html?noredirect=on&utm_term=.b12b1a39093d.

37. Dembinski, Matthias. Libya and the Future of the Responsibility to Protect – African and European Perspectives [Электронный ресурс] / Matthias Dembinski // Peace Research Institute Frankfurt. — 2011. – Режим доступа: <https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/369284305.pdf>.

38. Etheridge, E. How ‘Soft Power’ Got ‘Smart’ [Электронный ресурс] / E. Etheridge // The New York Times. – USA, 2009. – Режим доступа: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2009/01/14/how-soft-power-got-smart/>.

39. “Europe's intervention in Libya: Who is in charge here?” [Электронный ресурс] // The Economist. – 2011. — Режим доступа: <https://www.economist.com/charlemagne/2011/03/25/who-is-in-charge-here>.

40. Gallagher, Adrian. We need to understand the Responsibility to Protect before we (mis)apply it in Venezuela [Электронный ресурс] / Adrian Gallagher // Latin America and Caribbean Centre. – 2019. – Режим доступа: <https://blogs.lse.ac.uk/latamcaribbean/2019/03/11/we-need-to-understand-the-responsibility-to-protect-before-we-misapply-it-in-venezuela/#author-info>.

41. Kersavage, Kathryn. The “responsibility to protect” our answer to “never again”? Libya, Syria and a critical analysis of R2P [Электронный ресурс] / Kathryn Kersavage // Journal International Affairs Forum. — 2014. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/23258020.2014.933057?scroll=top&needAccess=true&journalCode=riaf20>.

42. Lecoutre, S. The US Shift Towards 'Smart Power' and its Impact on the Transatlantic Security Partnership / S. Lecoutre // EU diplomacy papers. College of Europe. – Brugge, 2010. – P. 18-27.

43. “Libya: Ban welcomes Security Council authorization of measures to protect civilians.” [Электронный ресурс] // UN News Center. – 2011. – Режим доступа: <https://news.un.org/en/story/2011/03/369392-libya-ban-welcomes-security-council-authorization-measures-protect-civilians>.

44. “Libya: Governments Should Demand End to Unlawful Killings” [Электронный ресурс] // Human Rights Watch. — 2011. – Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2011/02/20/libya-governments-should-demand-end-unlawful-killings>.

45. Morgenthau, H. Politics among Nations [Электронный ресурс] / H. Morgenthau // Higher Education. – 1960. – Режим доступа: <http://saldanha.pbworks.com/f/Morgenthau.Politics+Among+Nations.pdf>.

46. Nossel, S. Smart power: The Bush administration has hijacked a once-proud progressive doctrine-liberal internationalism to justify muscle-flexing militarism and arrogant unilateralism / S. Nossel // Foreign affairs. – 2004. – Vol. 83. № 2. – P. 131–143.

47. Nye Jr., Joseph S. Get Smart: Combining Hard and Soft Power / Joseph S. Nye Jr. // Foreign Affairs, 2009. - Vol. 88, No. 4. - P. 160-163.

48. Nye Jr Joseph S. How Sharp Power Threatens Soft Power [Электронный ресурс] / Joseph S. Nye Jr. // Foreign Affairs. - USA, 2018. - Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>.

49. Nye Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics / Joseph S. Nye Jr. // New York: Public Affairs. – USA, 2004. – С. 4-15.

50. Parkins, D. What to do about China’s “sharp power” [Электронный ресурс] / D. Parkins // The Economist. – UK, 2017. – Режим доступа:

<https://www.economist.com/leaders/2017/12/14/what-to-do-about-chinas-sharp-power>.

51. Peters, Mark T. *Remedying Venezuela: Soft Power Cures for Political Strife* [Электронный ресурс] / Mark T. Peters // *Small Wars Journal*. – 2019. – Режим доступа: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/remedying-venezuela-soft-power-cures-political-strife>.

52. Slaughter, Anne-Marie. “Why Libya sceptics were proved badly wrong.” [Электронный ресурс] / Anne-Marie Slaughter // *Financial Times*. – 2011. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/18cb7f14-ce3c-11e0-99ec-00144feabdc0>.

53. Stuenkel O. *Regulating Intervention: Brazil and the Responsibility to Protect* / O. Stuenkel, M. Tourinho // *Conflict, Security & Development*. – 2014. – P. 379–402.

54. *Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty*. [Электронный ресурс] // *The Responsibility to Protect*. – 2001. – Режим доступа: <http://www.idrc.ca/EN/Resources/Publications/Pages/IDRCBookDetails.aspx>.

55. “The Crisis in Libya” [Электронный ресурс] // *The Economist*. – 2011. – Режим доступа: <https://www.economist.com/node/21526693/comments>.

56. UNData: a world of information [Электронный ресурс] // UN. – 2018. – Режим доступа: <http://data.un.org/en/iso/ve.html>.

57. “Urgent NGO Appeal to World Leaders to Stop Atrocities in Libya” [Электронный ресурс] // UN Watch. — 2011. – Режим доступа: <https://unwatch.org/urgent-ngo-appeal-to-world-leaders-to-prevent-atrocities-in-libya/>.

58. *Venezuelans Must Resolve Crisis Themselves, Security Council Delegates Agree while Differing over Legitimacy of Contending Parties* [Электронный ресурс] // UN. – 2019. – Режим доступа: <https://www.un.org/press/en/2019/sc13719.doc.htm>.

59. Venezuela: Public Diplomacy Implications & the US [Электронный ресурс] // Smart power. – 2013. – Режим доступа: <https://blogs.gwu.edu/ipdgsmartpower/tag/venezuela/>.

60. Walker, C. The Meaning of Sharp Power [Электронный ресурс] / C. Walker, J. Ludwig // Foreign Affairs. – USA, 2017. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power>.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« 10 » 06 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05 Международные отношения
профиль подготовки 41.03.05.01 Международные отношения и внешняя
политика

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ

Руководитель

К.Ю.Н. 10.06.19
подпись, дата

К.Ю.Н., доцент
должность, ученая степень

Т.Ю. Сидорова
инициалы, фамилия

Выпускник

А.С. Иванова 10.06.19
подпись, дата

А.С. Иванова
инициалы, фамилия

Красноярск 2019